

УДК 7.01

**ПЕГАС
КАЗАКА
А.А. ХАНЖОНКОВА**

**COSSACK
A.A. KHANZHONKOV'S
PEGASUS**

Суркова Любовь Александровна

Кандидат философских наук, доцент,
заслуженный работник культуры РФ,
доцент, Южный федеральный
университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: infoippk@sfedu.ru

Surkova Lyubov A.

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Honoured Cultural Worker of Russia,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: infoippk@sfedu.ru

Статья посвящена исследованию вклада казака А.А. Ханжонкова в развитие отечественной кинематографии. В статье описано, как А.А. Ханжонков отправился в Париж, где купил первые кинокартины. Показано, что он начал свою новую историю в момент, когда Россия знала только иностранные фильмы, но уже в следующем году отставной казачий офицер начинает сам снимать кино. Символом своей деятельности А.А. Ханжонков выбрал мифологического коня – крылатого Пегаса, вздыбленного над буквами «А» и «Х». Показано, как, не имея ни гуманитарного, ни технического, ни экономического образования, ни опыта съемок фильмов, А.А. Ханжонков за следующие десять лет создал кинопредприятие, выпустившее около 400 фильмов.

In the article the contribution of Cossack A.A. Khanzhonkov to the development of national film industry is investigated. The article describes how A.A. Khanzhonkov went to Paris and bought the first films. It is shown that he began his new story at the time when in Russia only foreign films were known. The next year the retired Cossack officer started to make films himself. As a symbol of his activity A.A. Khanzhonkov choose mythological horse – a winged Pegasus, rampant above the letters "A" and "X". It is shown how A.A. Khanzhonkov without humanitarian, technical, economic education and an experience in shooting movies, created a cinema enterprises that over the next ten years produced about 400 films.

Ключевые слова: кино, казак, Пегас, фильмы, культура.

Keywords: film, Cossack, Pegasus, movie, culture.

В 1896 г. началась новая страница культурной истории России. Огромный успех «Синематографа братьев Люмьер» обусловил необыкновенно быстрое его распространение во всем мире. Через пять с половиной месяцев после первых коммерческих киносеансов в Grand cafe в Париже синематограф появился в России. 4 мая 1896 года на открытии летнего сезона в увеселительном заведении «Аквариум» в Санкт-Петербурге начались гастроли иностранного аттракциона «Синематограф братьев Люмьер». Несколько дней спустя кинематограф увидели москвичи в летнем саду «Эрмитаж», примерно через месяц кинематограф стал одним из главных аттракционов в кафешантане Шарля Омона, выехавшем по случаю всероссийской выставки из Москвы в Нижний Новгород. Здесь его впервые увидел молодой Максим Горький. И не только увидел, но и описал в газете «Одесские новости» от 6 июля 1896 г.: «Экипажи идут с экрана прямо на вас, пешеходы идут, дети играют с собачкой, дрожат листья на деревьях, едут велосипедисты – и все это, являясь откуда-то из перспективы картины, быстро двигается, приближается к краям картины, исчезает за ними, появляется из-за них, идет вглубь, уменьшается, исчезает за углами зданий, за линией экипажей, друг за другом... Перед вами кипит странная жизнь – настоящая, живая, лихорадочная жизнь...» [1, с. 23–24].

В том же 1896 г., как свидетельствует «Краткая историческая справка Новочеркасского казачьего юнкерского училища», среди выпускников значился подхорунжий Александр Ханжонков.

Едва ли 120 лет назад кто-либо углядел бы связь между этими двумя фактами. Какое отношение мог иметь российский триумф братьев Люмьер к судьбе молодого казака, начавшего службу в привилегированном казачьем полку в Хамовниках?

Мужчины дворянско-старшинского Войска Донского рода Ханжонкова с XVIII в. служили России. Донской историк Н.С. Коршиков посвятил этой славной фамилии отдельное исследование с говорящим названием – «Отличались особой храбростью».

Александр Ханжонков – потомок казаков-героев.

В Государственном архиве Ростовской области, в фонде Областного дворянского собрания, хранится дело, которое собирал лично А.А. Ханжонков. Дело «О сопричастности к дворянству внука есаула Петра Григорьевича Ханжонкова – Александра Алексеевича, сына его Николая Ханжонкова». В документах указано, что его дед Петр

Григорьевич служил в Донской конноартиллерийской роте, имел орден Святой Анны III степени с бантом и IV степени с надписью «За храбрость» [2].

Кроме того, что храбрый воин Петр Ханжонков передал по наследству дворянский титул, он оставил воспоминания, которые обнаружил Н.С. Коршиков. Приведем документ с небольшими сокращениями.

«РАССКАЗ КАВКАЗСКОГО ВЕТЕРАНА О ПУШКИНЕ

В 1829 году я находился на Кавказе, служа офицером в конной Донской артиллерии, в 3-й батарее...

Начальник наш Андриянов поехал погостить в Кар-Агачи, куда и я отправился с рапортом к нему. Погода стояла теплая и ясная к концу сентября. Вот, приезжаю я в Кар-Агачи часов в 10 утра и на лихом донском коне; проехал шагов двести, как отворяется окно и знакомый драгунский офицер Папков кричит: “Ханжонков! Заезжай к нам, пожалуйста, заезжай!”... В это время подошел к открытому окну незнакомый мне господин в статском сюртуке серого цвета и, обращаясь ко мне, сказал: “Да заезжайте же хоть на минуту”. Не могу объяснить почему, но я невольно повиновался приятному голосу этого незнакомца и заехал к Папкову. Вхожу в комнату, здороваюсь с Папковым и кланяюсь незнакомцу. Тогда Папков, указывая на этого господина, спрашивает: “Знаешь, кто такой?” Я ответил, что не имею удовольствия знать. “Это Александр Сергеевич Пушкин”, – сказал Папков. Представьте же себе, как я был озадачен именем и самим Пушкиным, хотя и знал, что он был тогда на Кавказе. Сначала я сильно сконфузился и не помню уже, как отрекомендовался ему. Пушкин улыбнулся, пожал мне руку, тут же назвал меня другом и приказал подать шампанского. “Запить здоровье нового друга”, как он выразился...

Даже и теперь, на старости, я чувствую истинное удовольствие при воспоминании этого знакомства и благородного характера Пушкина, о чем сейчас и расскажу вам.

Между тем начали входить драгунские офицеры, и скоро собралось их у Пушкина и Папкова человек двенадцать. В числе офицеров пришел и мой приятель, Николай Михайлович Караяни.

...Скоро подали закуску с винами и шампанским; закусили и начались тосты; при этом Пушкин сказал такой экспромт, от которого мы повалились со смеху и закричали ему “браво!”. Я уже запоздал и спешил идти, но подгулявшие офицеры еще удерживали меня; да, спасибо, выручил Александр Сергеевич. Обращаясь к офицерам, он сказал: “Господа, пусть идет – у него есть дело”. Потом ко мне: “Смотри

же, Ханжонков, на обратном пути к нам поскорее, а если не зайдешь, то назову тебя злодеем!”...

Справившись по службе, я на третий день снова приехал в Кар-Агачи, да еще с двумя офицерами нашей батареи.

Приехали мы прямо к Папкову и Пушкину, и встретили нас по-приятельски. Пушкин получил тогда из Петербурга порядочный куш денег за свои сочинения, и потому у него постоянно было много офицеров, и шампанское лилось рекой. Сам он был душою общества, и мы ловили каждое его слово. Задаст вдруг тему, и начнется между молодежью общий живой разговор; а сам-то он говорит увлекательно, красноречиво, так и сыплет, замолчим и слушаем...

...Двое суток мы пиروвали, как вдруг веселье наше было прервано весьма неприятной историей. Когда кизлярка, шампанское и другие напитки порядочно отуманили у некоторых головы, тогда между офицерами начались такие откровенности, каких и не должно быть. Хозяин и любимец Пушкина Папков выразился очень резко на счет всеми уважаемой дамы – жены полковника N и при этом задел намеком Караяни. Караяни вспылил, начались крупные речи, и кончилось тем, что Караяни вызвал Папкова на дуэль.

...Оба обратились к Пушкину с просьбой быть у них секундантом. Горячо и настойчиво уговаривал соперников Пушкин, чтобы они прекратили ссору и помирились. И как превосходно говорил он, обращаясь то к Караяни, то к Папкову... но напрасно: они были непреклонны и просили Пушкина в секунданты... “Хорошо, господа, у одного из вас я буду секундантом по жребию, а другого секунданта вы позволите выбрать мне. Согласны?” Караяни и Папков согласились. Время и место были назначены завтра, в шесть часов утра, в небольшой рощице близ Кар-Агачи, драться на пистолетах. Решимость Пушкина быть секундантом и удивила нас, и порадовала. Пушкин сделал два билета, написал фамилии соперников, положил их в шапку и поднес Караяни и Папкову. Они вынули билеты: Пушкин – секундантом у Папкова. Секундантом Караяни Пушкин избрал князя Мадатова.

...Когда Папков ушел, Пушкин выслал прислугу, затворил двери, сообщил всем нам план предстоящей дуэли и убедительно просил содействовать, на что все офицеры охотно согласились и дали слово хранить все сообщенное им в глубокой тайне. Пушкин был сильно встревожен, хотя и старался казаться спокойным. Нас, офицеров, было двенадцать человек, и почти бессонную ночь провели мы у Пушкина. Сам он не спал и два раза уходил куда-то с Мадатовым. Вот начало рассветать, и все офицеры, кроме Мадатова, ушедшего вперед, вышли от

Пушкина с большой осторожностью и направились к рощице, к которой через полчаса приехал Караяни с Мадатовым, а вслед за ними и Панков с Пушкиным.

...И когда соперники стали на указанных местах с пистолетами, тогда Пушкин, обращаясь к нам, сказал: “Господа, прошу слушать команду – стрелять по третьему разу. Начинаю: раз”.

Вдруг заиграл оркестр музыкантов, искусно укрытый в роще; а мы, офицеры, каждый с двумя бутылками шампанского в руках, мгновенно стали между Караяни и Папковым... Такая неожиданность сильно их озадачила, и они зароптали, особенно Караяни. Но тут уже Александр Сергеевич действовал как истинный гений-примиритель и говорил с такою силою и увлечением, что не только мы, но и соперники были тронуты. Помню слова Пушкина. “Господа! Если совершится убийство, то оно погубит и меня с вами, и всех нас. Умоляю вас именем Бога и России помиритесь!” Пушкин был страшно взволнован, тяжело дышал, и сверкающие глаза его наполнились слезами; быстро подходил он то к Караяни, то к Папкову, но они не поддавались. Наконец Папков опустил пистолет, подошел к Караяни и сказал: «Караяни! Я не прав перед тобою за сказанные вчера оскорбительные слова и прошу меня извинить». Караяни подал руку Папкову. Все обрадовались и бросились обнимать и целовать Караяни, Папкова и Пушкина. Шампанское полилось рекой, распили его несколько дюжин: пили и музыканты, щедро одаренные офицерами.

Потом я еще раз повстречался с Александром Сергеевичем Пушкиным в Азиатской Турции, на Сангаила, за Карсом. Верховом на великолепной арабской лошади он подъехал вместе с Караяни к нашей батарее. Издали он узнал меня и закричал: “Здравствуй, Ханжонков! А что, тебя еще не убили?” – “Слава богу, Александр Сергеевич; как видите, жив и здоров”. – “Ну, и слава богу!”

Это было последнее мое свидание с незабвенным Александром Сергеевичем Пушкиным.

Записано со слов есаула Ханженкова Виталием Пашковым в 1858 году» [3, с. 149–154].

Но вернемся к архивному делу, в котором имеется справка, выданная отцу Александра Алексеевича. В ней указано, что «в хранящейся в архиве Донской духовной метрической книге Митрофановской церкви поселка Нижне-Ханжонковского за 1877 год, в первой части о родившихся, под номером 77 мужескаго пола значится так: поселка Верхне-Ханжонковского Петровского сотник Алексей Петров Ханжонков и законная жена его Параскева Сергеевна оба православ-

ного вероисповедания, сын Александр рожден 26 июля, окрещен – 15 августа» [2].

Этот документ очень важен, поскольку в разных изданиях приводятся различные населенные пункты как место рождения А. Ханжонкова.

О самом отце, Алексее Петровиче, в документе сведений немного: «...с 1854 по 1856 год находился по случаю открытия военных действий с Англией, Францией, Турцией в Варшаве, отколе с 9 апреля по 20 июня того же года по Высочайшему повелению следовал в город Москву, где находился при священной коронации их Императорского величества. Уволен в отпуск на Дон и по болезни переведен из гвардии в Войско Донское» [2].

Но в книге С. Сафронова есть добавление в отношении отставного казачьего офицера. Здесь говорится, что Алексей Ханжонков «...продал остатки поместья, увез семью в Ростов. В Ростове семья приобретает фотоателье – бывшую “Фотографию Б. Петрыковского”» [4, с. 3]. Вот такой неожиданный зигзаг судьбы.

Судя по архивным документам, детство Александра прошло в Ростове-на-Дону, где он «воспитывался в ростовской гимназии 3-го класса и в 1894 году вступил в службу в Новочеркасское казачье юнкерское училище» [2].

В разных изданиях встречаются фотографии молодого Александра либо с матерью, либо с товарищами, но где сделано фото – не указано. Между тем в Музее истории донского казачества есть коллекция фотографий новочеркасцев, снятых в конце XIX в. в столице Войска Донского – в ателье Сергея Ханжонкова, старшего брата Александра. На обратной стороне снимков рядом с адресом ателье есть штамп «Удостоен почетного диплома на выставке в Париже». Подробности награждения неизвестны. Но дата – все тот же 1896 г. Еще одно любопытное совпадение, однако, никак не повлиявшее на жизненный выбор Александра, отправившегося на службу в Москву.

Через год он был произведен в офицеры, затем женился, у него родился сын Николай, о дворянском титуле для которого и хлопотал Ханжонков. Связи с Доном не порывались, и сын А. Ханжонкова был крещен 21 сентября 1901 г. в Скорбященской церкви г. Ростова-на-Дону.

Служба продолжалась, хотя судьба так и не подарила Александру шанса совершить подвиг, долг он выполнял честно. В послужном списке есть лаконичная запись: «В службе обер-офицера не было об-

стоятельств, лишаящих права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оним» [2].

Словно фамильный бойцовский характер притих до времени в ожидании главного дела жизни. Но после окончания юнкерского училища прошло целых десять лет, прежде чем наступил день, изменивший все.

Вот как вспоминает об этом сам Ханжонков: «В 1905 г. в Ростове-на-Дону, после подавления революционного восстания, в центре города долго пустовало помещение мануфактурного магазина. Вдруг на окнах его появились большие плакаты с надписью: “Здесь на днях, после ремонта, откроется биограф Р. Штремер”».

Весь ремонт заключался в двух весьма несложных операциях: освобождении магазина от полок и прилавков и изолировании помещения от дневного света.

Когда над входом в этот магазин засветилась гирлянда разноцветных электрических лампочек, то гулявшая по Садовой улице публика двинулась в биограф столь интенсивно, что скоро потребовалось вмешательство полиции для наведения порядка. У кассы на улице была толчея и давка. Сеанс продолжался 20–30 минут. Из зала зрителей выпускали через черный ход.

Программа состояла из четырех картин, вызвавших бурные восторги зрителей. Зачарованные зрители не могли налюбоваться на “Прибой волн в Тихом океане”. Картину “Подходящий поезд” зал встретил бурно, с восклицаниями и плохо скрываемым страхом. Еще бы! Локомотив, выбрасывая пары, мчался по экрану прямо на зрителя. Комическая “Муха” вызвала веселый смех и рассеяла страх. Представьте себе жирную физиономию комика, который делает гримасы, стараясь языком и губами поймать муху, ползущую по его носу... Еще два-три стометровых фрагмента и наконец гвоздь программы – “Точильщик”. Кухарка решила наточить нож. Ее воинственный вид так испугал точильщика, что он бросился от нее прочь, сметая все на своем пути. Начинается погоня. Тут и коляска с ребенком, и стая гусей (это среди города!), и торговки с разными товарами, и газетчик, и дама в модной шляпе с перьями. И все они мчатся за точильщиком и кухаркой... Сеанс окончен.

Я вышел на улицу опьяненный. То, что я видел, поразило меня, пленило, лишило равновесия» [5].

Это была любовь с первого взгляда – Ханжонков подал в отставку.

«В то время я был офицером Войска Донского, в чине хорунжего. Денег у меня не было. Единственная надежда была на реверс. (Реверс-

сом называлась в то время сумма в 5 тысяч рублей, вносимая офицерами для обеспечения семьи в случае вступления в брак ранее 28-летнего возраста)...» [5, с. 12–13].

Получив деньги, Ханжонков отправился в Париж, где купил первые кинокартины. Он начал свою новую историю в момент, когда Россия знала только иностранные фильмы. Но уже в следующем году оставшийся казачий офицер начинает сам снимать кино.

Из века в век верным другом героических казаков был конь. Символом своего нового поприща Александр Ханжонков выбрал мифологического коня – крылатого Пегаса, вздыбленного над буквами «А» и «Х». И словно этот сказочный конь помог совершить невероятное: не имея ни гуманитарного, ни технического, ни экономического образования, ни опыта съемок фильмов, Ханжонков за следующие десять лет создал кинопредприятие, выпустившее около 400 фильмов.

В конце XX в. энциклопедический словарь «Кино» констатировал: «Ханжонков Александр Алексеевич, русский кинопредприниматель и кинодеятель. Организатор и руководитель первого крупного русского кинопредприятия, выпускавшего (в 1907–1908 гг.) русские художественные фильмы. В 1911–1912 гг. организовал научный отдел, снимавший преимущественно хроникальные и этнографические картины, а также мультипликационные фильмы. На этой базе создал в Москве “Акционерное общество “А. Ханжонков””, построил киноателье, оборудовав его новейшей техникой того времени. Вместе с режиссером В.М. Гончаровым поставил первый русский полнометражный фильм “Оборона Севастополя” (1911)» [6, с. 463].

Поражает неистовость, с которой этот донской казак входил в мир кино. Именно Ханжонков впервые собрал постоянную труппу киноактеров. У него впервые снялись И. Мозжухин, В. Холодная. Тогда в России не было собственных профессиональных кинооператоров, кинорежиссеров. Они становились профессионалами, снимая фильмы.

На первых порах Ханжонков обращался к экранизации русских народных песен, затем к производству фильмов на исторические темы, позднее – к экранизации русской классики.

Можно привести лишь примерный перечень фильмов, поставленных у Ханжонкова режиссером П.И. Чардыниным: «Боярин Орша» и «Вадим» – по Лермонтову; «Женитьба» и «Мертвые души» – по Гоголю; «Идиот» – по Достоевскому; «Пиковая дама» и «Домик в Коломне» – по Пушкину; «Крейцерова соната», «Дядюшкина квартира», «Фальшивый купон», «Катюша Маслова» и «Наташа Ростова» – по Толстому.

Да и первый русский кинорежиссер В.М. Гончаров, работая у Ханжонкова, снимал киноиллюстрации произведений русской классической литературы: «Песнь про купца Калашникова», «Преступление и наказание», «Русалка» и особенно исторические картины: «Петр Великий», «Ермак Тимофеевич», «1812 год», не говоря уже о фильме «Оборона Севастополя».

Фильмография «Акционерного общества “Ханжонков и К”» свидетельствует, что кинопроизводство развивалось быстро и динамично, за считанные годы был пройден путь от лубков и киноиллюстраций до значительных психологических кинопроизведений.

Ханжонков постоянно искал единомышленников, также увлеченных «живой фотографией». Например, узнав о молодом чиновнике из Вильно Старевиче, каждый год получавшем призы за собственноручно сделанные карнавальные костюмы, Ханжонков «...немедленно вступил со Старевичем в переписку, в результате которой он приехал в Москву для личных переговоров. Вскоре он переселился вместе с семейством к нам на фабрику. Это был разносторонне одаренный человек. Без всякой специальной подготовки он выучился фотографии и операторскому искусству, был талантливым художником-карикатуристом, мог делать миниатюрные макеты любых объектов. Большой его страстью были коллекционирование и препарирование бабочек и насекомых.

Первой его постановкой, сделанной по его же сценарию, была картина в 230 метров длиною под названием “Прекрасная Люканида, или Война рогачей с усачами”, выпущенная в марте месяце 1912 г.

Картина заставила всех видевших ее не только восторгаться, но и задуматься над способами ее постановки, так как все роли в ней были исполнены жуками. Это был первый образец неизвестной еще тогда ни у нас в России, ни за границей объемной мультипликации. Снимались не рисунки, а миниатюрные фигурки – искусственные жуки, сделанные с восхитительным правдоподобием. Для каждого кадрика жукам надо было придать особое положение, а иногда даже и выражение.

Первый опыт Старевича в кинематографии был настолько удачен и сулил такие перспективы, что к занимаемой им квартире было пристроено специальное ателье.

Старевич был неутомим и плодовит. Его картины пользовались исключительным успехом по всей России.

В картине “Стрекоза и муравей” была изображена постройка избушки на зиму трудолюбивым муравьем со всеми его плотническими работами, пьянство легкомысленной стрекозы, опустошающей припа-

сенную ею бутылочку среди падающих листьев осеннего леса. Все это было изумительно и вызвало восторги и взрослых, и детей. Наилучшим доказательством успеха является продажа “Муравья” и “Прекрасной Люканиды” не только на европейский, но даже и на американский рынок» [5, с. 56–57].

Так родилась российская мультипликация и все фильмы создавались под знаком «Пегас».

Поражают масштаб и дальновидность деятельности вчерашнего военного. Здесь были творчество, эксперимент, риск и, конечно, бизнес. Но Ханжонков первым осознал просветительскую миссию кино. «К работе по созданию научных лент он сумел привлечь группу одаренных молодых ученых – В. Аркадьева (впоследствии чл.-корр. Академии наук СССР), А. Калашникова (впоследствии профессора, министра народного просвещения РСФСР), П. Лазарева (впоследствии академика), В. Лебедева (впоследствии профессора биологии, до последних дней своей жизни остававшегося видным деятелем советской научно-популярной кинематографии)» [1, с. 74].

Как вспоминал сам Ханжонков: «Основание единственного тогда научного отдела требовало безвозмездного вклада средств. Нужно было мобилизовать все свои способности, чтобы убедить акционеров, в большинстве своем знающих цену копейке, выделить из причитающейся им прибыли средства на эту бездоходную часть дела» [5, с. 58].

В 1911 г. удалось создать первый в России научный отдел, который не только занимался производством картин, но приобретал и тиражировал интересные зарубежные фильмы, рассылал операторов по разным уголкам Земли для съемок географических картин. К примеру, «Экспедиция Московского университета в район Белого моря», «Волга от Самары до Симбирска», «Крым», «Кавказ». Для создания ленты «Экспедиция на Дальний Восток и к Берингову проливу» потребовалась зимовка на Чукотке, откуда оператор привез 15 000 м пленки, которая долго использовалась в кинопроизводстве. Из этих материалов был создан фильм «За полярным кругом» уже в 1927 г.

И, наконец, именно Ханжонков раньше других кинодеятелей понял значение сценария как основы фильма. Он привлекал для работы в кино современных писателей и создал на кинофабрике литературный отдел. «А для того, чтобы заинтересовать всех пишущих для экрана, в 1917 году Ханжонков объявил первый в России открытый сценарный конкурс. Были установлены и премии за лучшие сценарии: первая – 1500 рублей, вторая – 750 рублей, третья – 500 рублей и четвертая – 250 рублей» [4, с. 23].

Помимо московской кинофабрики, Ханжонков создал кинопроизводство в Ялте. В столице он открыл самый большой отечественный кинотеатр «Пегас».

Сто лет спустя нельзя не восхищаться тем, сколь масштабно и дальновидно действовал Ханжонков в молодом мире кино. Он вел себя как опытный полководец и выиграл сражение.

Фильмы с маркой «Пегас» не только достигли уровня иностранного кинематографа, но и пошли дальше. Как отмечал Жорж Садуль во «Всеобщей истории кино»: «По количеству, а может и по качеству картин русское кинопроизводство в 1914 году занимало одно из первых мест в мире» [4, с. 30].

Есть еще одна подробность, о которой нельзя умолчать. Все эти годы Ханжонков был болен. Сначала он передвигался с палочкой, затем на костылях, а с 1917 г. – в кресле-коляске, но продолжал свое дело.

После революции кинофабрики были национализированы. На долю Ханжонкова выпала и эмиграция, и триумфальное возвращение на Родину, и сфабрикованное судебное дело, и отстранение от кино. В последние годы он писал мемуары, которые полностью не изданы до сих пор.

В 1991 г. бывший кинотеатр «Пегас», он же кинотеатр «Москва», стали называть «домом Ханжонкова». Нынешний год впервые в российской истории назван Годом кино. Вспоминаются многие славные имена. И разве не будет справедливо здесь, у нас на Дону, где многое связано с именем Ханжонкова, воздать должное человеку, стоявшему у колыбели российского кинематографа, которого сегодня знает весь мир.

Литература

1. Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. 458 с.
2. ГАРО. Фонд Областного дворянского собрания. Ф. 304. Оп. 1. Д. 4886.
3. Коршиков Н.С. Летя в пыли на почтовых... Ростов н/Д., 1997. 225 с.
4. Сафронов С. Александр Ханжонков – первый кинопродюсер России. Ялта, 2002. 55 с.
5. Ханжонков А.А. Первые годы русской кинопромышленности. М., 1937. 137 с.
6. Кино : энцикл. словарь. М., 1987. 832 с.

References

1. Ginzburg S. Kinematografiya dorevolucionnoy Rossii. M., 1963. 458 s.
2. GARO. Fond Oblastnogo dvoryanskogo sobraniya. F. 304. Op. 1. D. 4886.
3. Korshikov N.S. Letya v pyli na pochtovyh... Rostov n/D., 1997. 225 s.
4. Safronov S. Aleksandr Hanzhonkov – pervyy kinoprodyuser Rossii. Yalta, 2002. 55 s.
5. Hanzhonkov A.A. Pervye gody russkoy kinopromyshlennosti. M., 1937. 137 p.
6. Kino : encikl. slovar'. M., 1987. 832 s.